

МОСКОВСКИЕ ЗНАМЕНОСТИ

Когда на телеэкране появляется она, кажется, что тебе улыбается солнце. В течение долгих десятилетий ее работы на ТВ его добрым светом струились сотни передач - от выпусков новостей и сельских репортажей до музыкальных фестивалей, концертов по заявкам и «Голубых огоньков». Она заводила «Будильник» и разбирала «Утреннюю почту», рассказывала сказки и укладывала детей спать, а потом без запинки зачитывала «программу передач на завтра». Врожденный такт и блестящее актерское образование (она окончила ГИТИС) всегда позволяли Вовк быть на равных с министрами и доярками, артистами и кухарками, политиками и полковниками. При этом ей всегда оставалась доступной роскошь быть самой собой - как в жизни, так и на сцене. Этой осенью королева голубого экрана готовится отметить юбилей - 30 лет творческой деятельности.

- Ангелина Михайловна, еще совсем недавно, лет 15 назад, лицо и настроение любого канала на советском ТВ определял диктор - он воспринимался главным распорядителем эфира, не смотря на то что читал чужие тексты. В чем, по-вашему, состоял секрет его обаяния?

- Дело в том, что процесс попадания на телевидение в ту пору был безумно сложным и не характеризовался наличием у тебя больших денег, связей, высокопоставленных родственников и т. д. Вы не поверите, но у нас в дикторском отделе не было даже так называемых «позвоночных» - людей, которых приняли бы по чьему-либо телефонному звонку. Каждый из нас проходил серьезный конкурс, отбор, поначалу требовалось даже актерское образование, потом решили, что оно необязательно и, если у человека были некий шарм, актерские задатки, хорошая дикция и приятный тембр голоса, его могли взять и с техническим, и с гуманитарным дипломом. Мы много общались, например, с Ольгой Николаевной Обориной - женой знаменитого пианиста Льва Оборина. Эта женщина объездила весь мир, вела светскую жизнь, была в Париже (о чем мы тогда только мечтали!) - в общем, много чего повидала и была к тому же чрезвычайно интересным человеком... А Нина Владимировна Кондратова, Валентина Леонтьева!

- О, эти дамы были тогда королевами эфира!

- Еще бы! У них надо было учиться, широко открыв глаза и разинув рот. Это были высококультурные, оригинальные мыслящие люди, с прекрасной речью, огромным опытом. Только я, к сожалению, мало их слушала, о чем сегодня очень жалею. Себя я, кстати, отношу даже не ко второму, а к третьему поколению наших дикторов, потому что передо мной были еще Шатилова, Жильцова, Моргунова - тоже очень своеобразные и запоминающиеся личности.

- Сегодня дикторов заменили на ведущих, которым позволено говорить любую отсебятину, при этом выглядят они нередко - и по уровню образования, и по уровню общей культуры - пещерными неандертальцами, чудом попавшими в заветный ящик...

- Конечно, хорошо, что сегодня на ТВ нет цензуры, но, с другой стороны, это и большая беда. Ведь профессионализм ведущего включает в себя и эрудицию тоже. Человек пустой - он и на экране пустой. Вот сейчас, например, столько женщин - хороших, миленьких, но послушайте, что они несут в эфире! Значит, она симпатична кому-то из начальников, или с кем-то спит (давайте называть вещи своими именами!), или у нее папа богатый. Профессиональные качества этой девочки в таком случае уже не имеют никакого значения.

- Вы можете привести какой-то пример?

- Не хочу называть никаких имен, тем более что я их просто не запоминаю. Только смотрю иной раз и думаю: какое ужество сидит перед камерой - глаза пустые, дикции никакой, во рту каша! Я, конечно, понимаю, что не сразу все дается. Но позанимайся ты дома скороговорками, найми педагога! Вспоминаю наше поколение. Прежде чем попасть на телеэкран, мы целый год занимались на специальных курсах, проходили своего рода «обкатку». Уменьшие люди - академики, актеры, журналисты - читали нам лекции. И это притом, что у каждого из нас уже было высшее образование! Сегодня руководители телеканалов, увы, почти не обращают внимания на интеллектуальный и духовный уровень своих ведущих.

- Скорее всего, никто не следит и за внешним обликом нынешних «говорящих голов» - они то небрежно одеты, то, наоборот, излишне нафуфырены...

- Я тоже иногда бываю от этого в шоке. Может быть, это молодежная мода? Согласна, что вкуса в одежде у многих телеперсонажей - особенно девушек - мало. С другой стороны, я могу их понять: как правило, это удачливые пастисии режиссеров, редакторов передач, и, конечно, в эфире

но передавалось зрителю. А вообще прямой эфир - это загадка. Сидишь в студии, а где-то далеко-далеко на тебя смотрит человек, и - самое удивительное - ты это чувствуешь! Бывали моменты, когда сердце начинало биться где-то в горле, и я не понимала, в чем дело, почему я так волнуюсь?

- Вы чувствовали плохую энергетику от телезрителей?

- Не знаю, от телезрителей или от кого еще, но иногда я ощущала явное недоброежелательство, чей-то тяжелый взгляд, даже желание причинить мне боль.

которые аккуратно складывались в папку. (Были, естественно, заявки и на других дикторов.) Потом, когда составлялось расписание передач, все эти редакторские пожелания должны были учитываться. Но... руководитель дикторского отдела нередко самовольно решал, кого и в какую программу назначить. А если какой-то режиссер или редактор был недоволен, он мог запросто заявить: «Вовк? Как вы можете ее брать?! Вы знаете, что ее не любит Лапин?» И много лет задвигал меня в малозаметные передачи, вроде детского «Будильника» или каких-то музыкаль-

ста, следит, чтобы каждая была сыта, старается всячески защитит. А куры - суеязты, кудахчат, дерутся, одна в одну сторону несется, другая - в другую... Вот так и мы, женщины, подчас.

- Даже телевизионные и в то время?!

- Ну я вообще говорю. Потому что духовно продвинутых женщин все-таки мало. Откровенно скажу, что очень многие мои коллеги-дамы вели себя весьма примитивно. Конечно, никто с кулаками друг на друга не кидался, не обзывался, не кричал. Общались все очень мило, на улыбке, но за этой маской таилось порой

- С Крутым у меня чисто формальные, деловые контакты, хотя раньше он относился ко мне с большей теплотой и участием, поскольку был благодарен за то, что именно я в 1992 - 1993 годах отстояла перед высоким начальством передачу, которую тогда закрыли в угоду какому-то «Хит-параду Останкино».

- О! С этого момента подробнее...

- Когда закрыли фестиваль, я была просто в шоке. И долго никак не могла узнать, чим высочайшим повелением это было сделано. Оказалось, что известный продюсер Сергей Лисовский вместо «Песни года», которая якобы стала терять рейтинг, предложил свой музыкальный проект. Тогда я пошла на прием к тогдашнему председателю Гостелерадио Егору Яковлеву (кстати, моему соседу по этажу!) и прямо заявила: «Песню» закрыли несправедливо, и ее надо непременно возобновить. Яковлев сказал, что лично он передачу не закрывал, но обязательно во всем разберется. Вопрос решался довольно долго - около года. Меня поначалу удивляло: почему, пока я боролась за передачу, ходила по кабинетам, мои коллеги по «Песне» - редакторы, административная группа и проч. - стояли в тени, ожидая результатов где-то в курилках, под лестницами? А потом до меня дошло: они просто боялись. Ведь за Лисовским и его фирмой стояли большие деньги. А раз так, то могли, как говорится, и пострелять... К счастью, наши конкуренты оказались людьми благородными. А «Песню» я все же отстояла. Кстати, «Газпром» и лично Рем Вяжиров выделили тогда под мое имя солидный грант в размере 50 миллионов рублей. Я, естественно, все до копейки вложила в передачу.

- Прошли годы, и о вашем смело поступке стали как-то забывать...

- Да, так всегда и бывает. «Вовк? Да при чем здесь она?! Подумаешь, ходила, просила... Ну и что?» - рассуждают сегодня некоторые наши телевизионные акулы.

- Я знаю, к своему юбилею вы хотите запустить новый проект - детский фестиваль «Песенка года»...

- А почему бы и нет? Ведь талантливых певцов надо уметь разглядеть еще в детстве. Но не сглазьте. Одно дело - хочется, а другое - где взять средства? Я пытаюсь сейчас найти спонсоров, но пока не очень успешно. Так что давайте не будем загадывать.

- Накануне юбилея принято подводить некоторые итоги. Нескромный вопрос: какую роль в вашей жизни сыграли... мужья?

- Я их очень любила, но оба моих брака как-то сами собой сошли на нет. С первым мужем - диктором Геннадием Чертовым - мы прожили вполне мирно 16 лет. Это был очень тонкий человек, личность. Когда-то мы вместе учились в институте, потом работали. Все было хорошо, но у нас не было детей - я их не могла иметь в связи с множеством операций, и Гена это знал. А потом, как в песне поется, умерла любовь, и все. В конце 70-х, будучи в Чехословакии (там я снималась в фильмах о русском языке), познакомилась с удивительным художником и архитектором Индржихом. Он работал на киностудии «Баррандов». Это щедрый, благородный человек, с отменным вкусом и изысканными манерами.

- Естественно, такой человек не мог не покорить ваше сердце!

- Это была вспышка, озарение. Таких людей я прежде не встречала. Думаю, он был мне послан небом для духовного развития. Он научил меня многим важным вещам, мог часами любоваться каким-то пейзажем, не пропуская мимо себя ярких людей. Вот увидишь, например, красивую девушку - встанет и будет заворочено ее разглядывать. Ревновать его было бессмысленно. Мы прожили с ним около тринадцати лет.

С Индржихом я пережила много и прекрасных, и трудных мгновений. Конечно, я в чем-то виновата. Но я человек верующий и считаю, что получаю от Бога все, чего достойна: и удачи, и невзгоды, и победы, и поражения. Моя жизнь складывалась непросто: и болела я подолгу, и операции у меня были тяжелые. Но я, представьте себе, только благодарна Богу за эти испытания.

- Да что вы?!

- Потому что из любого негатива стараюсь извлечь жизненные уроки, что-то изменить в себе, ведь болезни посылаются нам неспроста, а как отработка за какие-то серьезные прегрешения, ошибки, о которых мы часто и не задумываемся. А без всех этих страданий я была бы, наверное, какой-нибудь толстокожей, темной и дремучей клушей.

Беседу вел
Сергей СОСЕДОВ
Фото Ирины Калединой

АНГЕЛ ЭФФИРА

им прежде всего хочется продемонстрировать свою сексуальность, раскованность, произвести эффектное впечатление (снисходительно улыбаются). Отсюда все эти неуместные завитушки на голове, яркий макияж, блестящие, кричащая бижутерия.

- Ангелина Михайловна, а кто одевал вас, дикторов прежнего ТВ?

- Ой, вы знаете, как трудно было найти что-то подходящее в советское время! Мы были прикреплены к 100-й секции ГУМа - там отоваривались исключительно партийные боссы и их жены, - и если какие-то костюмчики перепали нам с барского плеча - разного цвета, но, как правило, одного фасона, - то мы были безумно счастливы, потому что больше ничего прилично нигде купить было невозможно. А потом, знаете, как бывает: самая обычная кофточка, а на экране смотрится эффектно. Кстати, никакого специального гардероба, из которого мы могли бы выбирать себе платья, аксессуаров, у дикторов, вопреки всем слухам, никогда не было. Помню, когда только пришла на ТВ, у меня было единственное платье голубого цвета, которое я очень любила. Так вот вечером его стирала, а утром надевала. В общем, все выкручивались сами как могли. Бывало, обращались в Дом моделей.

- Ангелина Михайловна, скажите честно, объявляя ту или иную передачу, вы чувствовали себя хозяйкой эфира?

- Трудно сказать... Конечно, люди, которые постоянно работали с тобой - изо дня в день, из года в год, обретали какое-то человеческое родство. Операторы, осветители, звукорежиссеры - все они старались окружить нас теплом, вниманием, чтобы у нас в эфире было хорошее настроение, ведь это обязатель-

- Какой ужас! А положительные моменты?

- К счастью, они бывали чаще. В этих случаях когда я садилась в студию, то почти физически ощущала какую-то волну тепла, добра, умиления своим появлением... Кто знает, откуда берутся все эти положительные и отрицательные потоки? Возьмите многих наших дикторов-женщин - они же, как правило, несчастны в личной жизни, у всех куча проблем. Отчего? Может, от этого самого прямого эфира? Есть в нем какое-то таинство, ощущение ирреальности...

- Почти что выход в открытый космос! Вы не жалуете, что давно не испытывали волнения от «этого самого прямого эфира»?

- Напротив, я этому даже рада. Когда просто работаю перед камерой и идет обычная запись, я знаю, что меня видят оператор, режиссер и технический персонал съемки. Тут я спокойна. Все эти люди заняты делом, и им не зачем насыпать на меня отрицательные флюиды и проч. Кстати, когда я впервые пришла на ТВ, то сразу попала в атмосферу любви и доброжелательности - все хотели со мной работать. Но в силу каких-то причин - ну, потому что была новенькая, совсем еще молодая - мне часто доставались лишь крошки от телевизионного пирога.

- Что вы имеете в виду?

- Большинство телепрограмм вели дикторы. Но нас было много. Кого и в какую передачу посадить? Все просто. Редакторы той или иной телевизионной рубрики посылали в дикторский отдел заявки. Например, для передачи (условно) «В гостях у песни» нам нужна Вовк, для «По вашим письмам» - тоже Вовк, для детской игры «Угадай, нарисуй» - обязательно Вовк, ну и т. д. Таким образом, на одну только Вовк суммарно набиралось до двадцати (!) заявок,

но-просветительских обзорных, которые шли в неудобное время - утром или днем, а в наиболее смотрбельные, вечерние блоки ставил, как это водится, своих любимцев.

- Вы не пытались протестовать против несправедливых решений?

- Нет, я не вмешивалась. Будь у меня другой характер, я бы, наверно, и поскандалила. Но у меня было достаточно интересной работы, чтобы погрузиться в нее с головой. Понимаете, я, наивная, очень долгое время не гналась за популярностью, за зрительским успехом. Это уже потом до меня дошло, что они необходимы.

- Кстати, тогдашний председатель Гостелерадио Лапин действительно не благоволил к вам?

- Сама не знаю, любил он меня или нет (смеется). Близко Сергея Георгиевича я не знала, общалась с ним исключительно как с начальством. По-моему, он хорошо ко мне относился, хотя... Был, помню, казус, когда я надела в эфир платье со шнуровкой, и Лапин вдруг недовольно буркнул: «Что это у нее за веревки на груди?! Пугович нет, что ли?» По коридорам Останкино, естественно, поползли разные нехорошие слухи, шушуканье за моей спиной, но в принципе это нормальная человеческая жизнь.

- Представляю, какие отношения царили в вашем отделе на дамском цеху! Наверное, сплошные интриги и ревность...

- Конечно, не без этого. Все-таки женщины в гораздо большей степени подвержены отрицательным эмоциям и таким порокам, как зависть, недоброежелательство, подсиживание... Мужчины в этом плане более свободные и более достойные люди. Маленький пример. У меня на даче есть петух. Как он заботится о курах! Утром сгоняет их с насе-

столько коварства и лицемерия!

- Тем не менее ваше место не удалось занять никому...

- Я не ропщу: постепенно, шаг за шагом и я вышла на первые роли.

- Как же вы попали в заветную «Песню года»?

- Ее, кстати, я хотела вести давно - не доверяли. Даже несмотря на то, что авторы проекта - режиссер Виктор Сергеевич Некрасов и музыкальный редактор Виктор Яковлевич Мееровский - с самого начала желали видеть на «Песне» именно меня. Но руководство ЦТ поступило иначе и на ведение первых выпусков программы поставило Кириллова, Леонтьеву и Шилу, потом пришли Жильцова с Масляковым, два года передачей занималась поэтесса и журналист Татьяна Коршилова, были и другие ведущие... И только в 1987 году Виктор Сергеевич смог наконец привлечь меня к своему проекту. К сожалению, ни Некрасова, ни Мееровского сегодня уже нет с нами, а передача жива.

- Правда, сегодня она уже совсем не та, что когда-то...

- Конечно, то, что сейчас происходит в ней, мало похоже на «Песню» 70-х годов, когда звучали действительно лучшие и самые любимые произведения, когда со всех союзных республик съезжались самые яркие и талантливые артисты, когда был оркестр Силантьева, живой звук... Я мечтала, естественно, о той программе. Сегодня передача выродилась в обычное коммерческое шоу: новые времена диктуют свои законы. А там, где бизнес, бал правят деньги. Ты можешь не иметь ни голоса, ни слуха, ни репертуара - и при этом выходить на сцену.

- Как складываются ваши отношения с Игорем Крутым?